

Леонид Павлович Гурьев

Заметки к его 70-летию

Я знаком с Леной почти 50 лет, с момента моего поступления в НГУ в 1964 г. Первые два года мы учились в одной группе. С ним мы подружились с самого начала уже в колхозе на картошке, когда пару дней нам пришлось с ним спать в одной кровати. Но это отдельная история. Леня неоднократно рассказывал ее на наших юбилеях, поэтому здесь я на этом останавливаться не буду. Помню, что на первом курсе он всегда помогал мне выполнять работы по лабораторному практикуму по радиофизике. Я плохо тогда (да и сейчас, наверное, тоже) разбирался в измерительной аппаратуре, и Леня всегда собирал мне схемы и помогал проводить измерения. Уже тогда у него были незаурядные способности к экспериментальной физике. После окончания университета наши пути на какое-то время разошлись, хотя мы периодически встречались на общих мероприятиях и отношений не прерывали. После окончания НГУ Леня какое-то время работал в институте Автоматики в Академгородке. Вскоре отдел, где он работал, из-за конфликта с новым руководством института целиком перешел в НЭТИ и основал здесь кафедру Информационно-измерительной техники и лабораторию по лазерной голографии, основные сотрудники которой были выпускниками моего курса НГУ. Не последнюю роль в деятельности этой лаборатории играл и Леня Гурьев. Я не знаю детально, чем он там занимался, но поскольку я лично знал практически всех сотрудников этой лаборатории, то могу предположить, что многие научные результаты, полученные в этой лаборатории, не могли бы быть получены без активного участия и вклада Лени. Я думаю, он мог бы защитить не одну диссертацию по результатам своей работы в этой лаборатории, но надо знать его характер: ему нужна была жесткая направляющая рука, которой в то время рядом не оказалось. После смерти А. Г. Козачка (в то время проректора по научной работе) лаборатория стала постепенно угасать. Леня оставался в ней до последнего, как капитан на тонущем корабле.

Несколько лет назад (возможно лет восемь или даже десять назад, точно не помню) я уговорил его перейти на нашу кафедру. Я рад, что не ошибся. Леня очень органично вписался в коллектив кафедры. Он внес неоценимый вклад в модернизацию лабораторного практикума. При нем лаборатория по механике стала просто неузнаваемой. Он также много сделал для модернизации лабораторного практикума по оптике.

Мне, кажется, у Лени есть незаурядный педагогический талант. Меня, например, восхищает его отношение к студентам. Даже с самыми безнадежными он работает по многу часов. Как-то он сказал мне: если есть хоть какая-то надежда научить, я буду это делать. Когда он ведет лабораторные занятия с моими группами, то за этих студентов я спокоен: он сделает все чтобы их чему-то научить. Если у него не получится, то и у других тоже не получится.

Несмотря на то, что мы с Леной совершенно по характеру разные люди (он, например, заядлый рыбак, а я рыбачил, смутно помню, только в глубоком детстве) это не мешает нам быть друзьями. Он никогда не отказывал мне в каких-то бытовых просьбах, а иногда сам высказывался помочь. Так много лет назад он несколько раз приходил ко мне домой ремонтировать холодильник, который никто ремонтировать уже не брался. Несколько лет назад Леня по своей инициативе устранил мне дефект в подводке труб в ванной, оставленный местным сантехником.

Ну а лично в моей научной судьбе Леня сыграл очень важную роль. Когда в 1978 г я устраивался на работу в НЭТИ в лабораторию сверхпроводниковой электроники, Леня дал на меня очень хорошую характеристику тогдашнему руководителю этой лаборатории Б. М. Рогачевскому. К тому времени я не виделся с Леной несколько лет и конечно его об этом не просил. Я узнал об этом много лет спустя, уже будучи сотрудником этой

лаборатории. Я на 100% уверен, что без его рекомендации меня в эту лабораторию бы не взяли. Вот такая история...

В заключение хочу пожелать юбиляру быть таким же жизнерадостным и оптимистом, каким мы его знаем.

Как сказала мне моя шестилетняя внучка по аналогичному поводу:

Леня, не болей и живи дольше!!!

Яша Гринберг, 07.02.2016